

А. Н. Куклин (Йошкар-Ола)

**Марийские фитофорные ойконимы
и их удмуртские параллели**

Республики Марий Эл и Удмуртия расположены в лесной зоне Восточно-Европейской равнины.

Марий Эл, занимая часть бассейна среднего течения Волги, разделяется рекой на два природных региона – Левобережье и Правобережье, которые представляют части двух почвенно-растительных зон: темнохвойно-широколиственных лесов южной тайги и северной лесостепи.

Удмуртия, находящаяся в междуречье Камы и Вятки, представлена неравновеликими частями трех ландшафтных зон прикамской части Восточно-Европейской равнины: темнохвойными южнотаежными лесами, смешанными широколиственно-темнохвойными лесами и северной лесостепью. Темнохвойные леса южной тайги занимают всю северную половину Удмуртии, их граница на юге проходит в широтном направлении по линии, расположенной несколько южнее Вавожа, на Ижевск и далее на Чайковский. Темнохвойные леса постепенно уступают место смешанным широколиственно-темнохвойным лесам, занимающим южную часть республики. Только на крайнем юге и юго-востоке Удмуртии встречаются участки северной лесостепи [Широбоков 1984: 38].

В Марий Эл, по данным учета лесного фонда, проведенного органами Комитета по лесу, по состоянию на 1 января 1988 года леса занимают 51 % ее территории. В Удмуртии площадь, покрытая лесами, составляет свыше 40 % или более $2/5$ территории республики [Широбоков 1984: 38].

Статистические данные показывают, что ландшафтный фонд в природных комплексах лесов Марий Эл в настоящее время создается сосняками (39,5 % всей лесной площади), еловые и елово-пихтовые леса распространены более ограниченно (на 16,3 % площади лесов), 42,7 % площади всех лесов занимают лиственные леса.

На территории Удмуртии главной лесобразующей породой является ель, на долю которой приходится 34,2 % всей покрытой лесом площади, сосновые леса (18,2 % лесного фонда республики) на левом берегу Камы, в Сарапульском, Камбарском районах, 45,2 % всей лесной площади занимают лиственные леса [Широбоков 1984: 38–40].

Весь многовековой уклад жизни марийского и удмуртского народов, начиная с седой древности, был связан с лесами, что заставило их с большим вниманием относиться и к самим лесным угольям, их особенностям и богатствам. В условиях лесного Поволжья и Прикамья древнейшими отраслями хозяйства мари и удмуртов были охота и рыболовство, бортничество и собирательство. Поэтому не случайно, что мари и удмурты имеют свою достаточно подробную классификацию животных и птиц, деревьев и кустарников, ягод, трав и грибов, характерных флоре и фауне Волго-Уральского региона.

Об этом же свидетельствует наличие в диалектах марийско-го и удмуртского языков развитой системы номенклатуры для обозначения основных типов лесов в зависимости от растущих в них хвойных и лиственных пород, от рельефа местности, приуроченности леса к определенному географическому объекту, величины и возраста леса и т. д. Ср., например, марийские названия лесов: *шўргö* 'лиственный лес', *шем шўргö* 'темный лес; бор', *ош шўргö* 'белый лес', *чодыра* 'лес', *пич чодыра* 'дремучий лес', *тыгыде чодыра* 'мелкий лес, мелколесье', *ото* 'роща, небольшой лиственный лес', *шырлык* 'густой, молодой лес, чаща', *мышкар* 'небольшой лес' и др. [Куклин 1990: 49–51]. Удмуртские названия: *нюлэс* 1) 'лес', 2) 'большой дремучий лес, тайга'; *тэль* 1) 'заросли молодого хвойного леса, чащоба', 2) 'лес'; *сўрд* ~ *сурд* 1) 'березовый лес, березняк', 2) 'лес'; *сик* 1) 'небольшой смешанный лес', 2) 'лес'; *яг* 'сосновый бор'; *тыло* 'подлесок, роща'; *варсэм* 'лесная чаща, чащоба; урема' и др. [Атаманов 1987: 68–75].

Все эти обстоятельства в определенной степени обусловили возникновение фитофторных ойконимов. Общее число селений Республики Марий Эл, в названиях которых содержится флористическая лексика, по данным справочника "Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1-е мая 1952 года" (Йошкар-Ола, 1952), составляет 157, т. е. 6,1 % от общего числа – 2612 – населенных пунктов республики.

Удмуртская ономастика еще не располагает статистически-ми данными количественного состава фитофторных ойконимов, поэтому сказать о них что-либо определенное весьма трудно.

Фитофторные ойконимы Марий Эл делятся на две группы: первая, содержащая названия лиственной породы деревьев и кустарников, – 105 селений (4,02 %), вторая, образованная от названий хвойной породы, – 52 населенных пункта (1,99 %). Как свидетельствуют цифровые данные, названия селений, образованные от наименований лиственной породы деревьев и кустарников, преобладают над названиями хвойных пород, хотя на общем фоне растительного мира Республики Марий Эл преобладают сосновые, еловые и елово-пихтовые леса. Они занимают 55,8 % всей лесной площади республики.

В номинациях селений, как правило, участвуют названия наиболее распространенных деревьев и кустарников. Что касается конкретного фитонима, то в ойконимообразовании активное

участие принимают синонимические лексемы *пунчö*, *якте* 'сосна // сосновая' и производные от них *пунчер*, *яктер* 'сосновый бор', а также русское слово *сосновка* – 28 названий, что составляет 1,07 %. Районом сосновых лесов является Заволжская песчаная низменность. Площадь, занятая сосняком, в Марий Эл составляет 418,6 тыс. га.

Марийское *пунчö* восходит к древнему уральскому названию сосны **репса* // **реса* [Терентьев 1979: 160], в удмуртском ему соответствует слово *пужым* 'сосна // сосновая'.

Апеллятив *пунчö* и его производное *пунчер* встречаются в 20 ойконимах Марий Эл, включая официальные и неофициальные названия. Ср., например, офиц. и неофиц. названия деревень и их перевод на русский язык: *Пинжиял* – *Пёнжыййäl* 'Сосновка' (Юринск. р-н), *Сосново* – *Пунчерсола* (Медведевск. р-н), *Пиньжедур* – *Пунчыдур* 'Край сосняка' (Моркинск. р-н). Ср. также удмуртские микропонимы: *пужымйаг* (Увинск. р-н), *пужымйос* (Можгинск. р-н) [Кириллова 1992: 125] и ойконим *Пужмо* [Атаманов 1988: 70]. В "Словаре географических названий Удмуртской АССР" (М., 1980) представлено 11 топонимов, содержащих русский апеллятив *сосна*, из них 10 ойконимов, например: *Сосновка* (Алнашск., Балезинск., Воткинск., Малопургинск., Шарканск., Ярск. р-ны); *Сосновый Бор* (Кезск., Можгинск. р-ны) и др. [СГНУ, 121].

Географических названий с апеллятивом *якте* 'сосна // сосновый' и от него производных в 1952 году в Марий Эл числилось 4, например: дд. *Яктансола* (Селение с соснами) – Еласовск. р-н, *Яктерлүвал* (Подсосновье) – Звениговск. р-н, *Лап Йäктерлä* (Сосняк на низине) – Горномарийск. р-н, *Тырбнь Йäктерлä* (Сосняк на косогоре) – Горномарийск. р-н. Марийское *якте* 'сосна // сосновый' восходит к урало-алтайскому источнику, ср. маньчжур. *jakdan*, орок. *žagda* 'сосна' [Дмитриева 1979: 137], тунг. *d'agda* 'сосна', гольдск. (устаревшее название нанайского языка) *žagda*, маньчж. *jakdan* 'ель' [Räsänen 1969: 122]. В удмуртском им соответствует слово *яг* 'сосняк, сосновый бор'. Сравните лексико-фонетические варианты апеллятива *яг* в удмуртских микропонимах: *йагбап* (Важовск. р-н); *л'агон'ур* (Увинск. р-н) < *йаг* ~ *л'аг* 'бор; хвойный лес', 'большой лес' [Кириллова 1992: 125] и ойконимах: *Ягул* (Глазовск., Завьяловск., Кизнерск. р-ны), *Ягул-Какси* (Можгинск. р-н), а также отойконимный гидроним: *Ягулка*, р. прав. пр. р. Вожойка (Завьяловск. р-н) [СГНУ, 152].

Что касается семантики удмуртского слова, то она, вероятно, является более поздней, развившейся из первоначального *сосна*. Сравните аналогичное семантическое развитие марГ *кожла* 'ельник, еловый лес' → марВ *кожла* 'лес вообще'. *Кожла* от слова *кож* 'ель'. В восточномарийском диалекте произошло расширение первоначального значения, см. также развитие немецкого *Forst* 'лес' из первоначального *forhist* 'сосновый лес' [ОЯ, 59].

В "Этимологическом словаре уральских языков", где рассматриваются хант. *juj, juχ* 'дерево', манс. *j̄w, j̄iw, j̄iw*, самод. (Юрак.), *je?* 'сосна (дерево)'; сельк. *tjö, tjööl-pu, tjye, kje, čwé* 'сосна' (*pu* 'дерево'); кам. *d'w, d'ö* 'ель, сосна'; койб. *džä* 'ель'; мотор. *tčia*; тавг. *džä*, приведено и марийское *jäkte* 'ель' (в действительности же *сосна* – А. К.), однако при этом указано, что по причине фонетического соответствия, то есть наличия инлаутного консонантного сочетания *-kt-* оно сюда не относится [UEW, 107].

Сравнение значений показывает, что обско-угорско-самодийские слова соотносительны с марийской лексемой *якте*. Более уместной представляется включение марийского слова в вышеуказанное этимологическое гнездо, если учесть эволюцию инлаутного архаичного *-kt-* в уральских языках, сохранившись в самском и большинстве слов марийского и удмуртского языков, в других оно подверглось существенным изменениям, поэтому следы его в современных уральских языках и их диалектах выступают не как однозначные соответствия, а как разные согласные звуки, ср. эст., фин. *ks, ht*; саам. *kt*; морд. *f'k*; мар. *kt, k*; удм. *kt, k*; коми *k, t*; хант. *t, ɣət*; манс. *t, t'*; венг. *t (tt)*; нен. *t', δ*; нган. *t*; энец. *d, r*; сельк. *d, t, tt*; кам. *d* [Alvge 1981: 18]. Ср., например, слова родственных языков: мар. *лекташ, лăкташ* 'выходить', фин. *lähteä* 'уходить, удалиться', удм. *лыктыны*, коми-зыр. *локны* 'прийти, прибыть', хант. *lūgat-* 'уходить' [КЭСК, 160]; хант. *lū-ɣatta* 'выйти; вылезти; выбраться' [СХД, 219] и др.

Апеллятив *кожла* 'ельник' встречается в 24 ойконимах, что составляет 0,91 % от общего числа населенных пунктов Республики Марий Эл. *Кожла* является производным от слова *кож* 'ель'. Оно имеет диалектную разновидность *коз*, бытующую в малмыжском говоре, и исторически восходит к лексическому слою урало-алтайского периода, ср. гомогенное удмуртское слово *кыз* 'ель // еловый'.

Апеллятив *тумер* 'дубняк, дубовая роща', русские *дубрава, дубровка* и другие варианты, а также чувашская лексема *юман* 'дуб // дубовая' зафиксированы в 22 ойконимах (0,84 %).

Слово *тумо* 'дуб // дубовая' не имеет диалектных различий в марийском языке, лишь в горном наречии выступает в усеченной форме, ср. марГ *тум*. Марийское *тумо*, *тум* ставят в один ряд с семантически идентичными словами других финно-угорских языков: эрз. *тумо*, мокш. *тума*, фин. *tammi*, эст. *tamm*, коми-зыр. *тупу*, удм. *тыны* 'дуб' [ЭКНЭС, 104; КЭСК, 286]. При этом, однако, следует заметить, что пермские названия *тупу* и *тыны*, как полагает Ф. Кеппен, переименованы из дуба. В круг финно-волжских соответствий он включает также вод. *tammi*, лив. *tam*, *tam* [Кеппень 1886: 16].

Апеллятив *куэр* с вариантами *кугила* 'березняк, березовая роща', включая русские слова *березовый*, *березники* и другие варианты, фигурирует в 18 ойконимах Марий Эл, что равняется 0,69 %. Марийские *куэ*, *куги* не имеют генетической связи с удмуртским словом *кызьту* 'береза // березовая'.

В "Словаре географических названий Удмуртской АССР" представлено 9 названий, восходящих к русскому апеллятиву *береза*: *Березка* (Якшур-Бодьинск. р-н), *Березники* (Воткинск., Кезск. р-ны), *Березняки* (Воткинский р-н), *Березовка* (Воткинск., Дебеск., Игринск., Сюмсинск., Увинск. р-ны) [СГНУ, 22–23].

Апеллятив *писте* с фонетическим вариантом *пиште* 'липа // липовая', а также русская лексема *липа* бытуют в 15 ойконимах, что составляет 0,57 %. Слово *писте* в марийском языке является лексическим наследием финно-волжской языковой общности и не имеет удмуртского соответствия. В удмуртском языке для обозначения липы употребляется слово *беризь* [УРС, 412].

Апеллятив *шопкер* с вариантами *шапкила* 'осинник, осиновая роща' и русское слово *осиновый(-ский)* фигурируют в 11 ойконимах Марий Эл, что равняется 0,42 %. В этимологическом отношении слово *шопке* 'осина // осиновая' восходит к финно-волжскому пласту лексики, ср. слова родственных языков: саам. (лууляя) *sūrpe*, (норвежск.) *suppe*, эст. *haab*, вепс. *hab*, фин. *haara* [SKES I, 46], поэтому оно не имеет удмуртского соответствия. В удмуртском языке осина именуется лексемой *пипу* [РУС, 612].

Апеллятив *шоло* 'вяз // вязовая' и от него производные участвуют в образовании 8 ойконимов, что составляет 0,31 %. Марийское название вяза не имеет удмуртского соответствия, хотя восходит к финно-угорскому слою лексики. В удмуртском языке вяз обозначается словом *сирпу* [РУС, 171].

Апеллятив *ломбо* 'черемуха // черемуховая' зафиксирован в 8 названиях, что равняется 0,31 %. В современных финно-угорских и самодийских языках название черемухи этимологически восходит к древнему уральскому слову **δ'ετε* (*δ'оте*), имеющему соответствия в алтайских языках, ср. тюрк. *jumurt*, монг. *žimugusun* [Räsänen 1969: 211; Хонти 1985: 162; КЭСК, 164–165]. В пермских языках черемуха именуется *льӧмту* (*пу* 'дерево'), ср., например, название горы *Лемтывыр* (*Льӧмтывыр гурезь*), расположенной юго-западнее д. Маршакова в Глазовском р-не (СГНУ, 75).

Апеллятив *пүкшерме* 'орешник', а также русское *Ореховка*, *Орешкино* и другие варианты, возникшие от слов *орех*, *орешник* встречаются в названиях 5 селений, что составляет 0,19 %.

Марийское слово *пүкшерме* этимологически восходит к финно-пермскому архетипу **päškz* 'орех, лесной орех'. От него же произошли удмуртские диалектные варианты, ср., например: *риš-ри* 'орешник лесной', *раšри* 'кустик лесного ореха', *риš-mul'i*, *риš-mol'i* 'лесной орех' (*mul'i*, *mol'i* 'ягода, орех') [UEW, 726–727].

Апеллятивы *лүлпан* 'ольховая', *лүпер*, *нӧлпер* 'ольшняк', производные от *лүлпӧ* // *нӧлпӧ* 'ольха // ольховая', встречаются в 4 названиях, что равняется 0,15 %. Марийские варианты соотносительны с удмуртской лексемой *лулпу* 'ольха // ольховая'. Удмуртский апеллятив принимает активное участие в топонимообразовании, ср., например, микропонимы: *лултуурам* (д. Чежебаш Можгинск. р-на), *лулпуошур* (Увинск. р-н) [Кириллова 1992: 125].

Апеллятив *чашка* 'молодая береза' встречается в названиях 3 селений, что соответствует 0,11 %. Это слово не нашло отражения в "Марийско-русском словаре" (М., 1956), тем более его нет в переизданном "Марийско-русском словаре" (Йошкар-Ола, 1991), вобравшем в себя на одну тысячу лексем меньше, нежели предыдущий. Между тем слово *чӧшкӧ* со значением 'молодая береза' бытует в красноуфимском говоре марийского языка. Его варианты *čaška* 'береза' и *čaškar* 'березовая роща' были зафиксированы А. Генецем в кунгурском говоре еще в прошлом столетии [Genetz 1889: 34, 42]. В качестве примера указанные слова в своей работе привел Ю. Вихманн, который, однако, значительно расширил круг возможных продолжений словарными данными малмыжского диалекта и лексемой горного наречия, взятой из работы Г. Й. Рамстедта "Bergtscheremissischen sprachstudien" (MSFOu XVII): *t'šäška* 'хворост', *t'šäškar* 'хворост' (Азиково), *t'šäškar*

'груда веток, хворост', марГ *tsaškèr* 'ветка, хворост' [Wichmann 1906: 29]. Что касается смысловой соотнесенности указанных слов, то она базировалась, вероятно, на близости их семантики 'березовая поросль, а также груда березовых веток, похожая на хворост'. Близкие по значению к приведенным Ю. Вихманном лексемам обнаруживаются слова и в других марийских диалектах, ср.: *чашка* 'роща; березник' [КЧС, 219] – запись О. Сергеева, марЛ *чашкер* 'чащоба, чаша' [МРС 1956: 668], марСЗ *цӱшкӱ* 'кустарник; редкий лес' [ССЗН, 259], прикам. *чажга* 'мелколесье; лесок из небольших деревьев, уремный лес' [Вершинин 1986: 116], марГ *цашкер, цӱшкер* 'чаща леса, кустарников; чащоба' [СГН, 183, 189], а также в диалектах удмуртского языка: *čaška* (Малм. и Сарапульск. уезды), *čača*, **čača* (Wied.) 'роща; чаша' [Munkácsi 1990: 288], красноуф. *чал* 'береза', *чалук* 'березник' [Насибуллин 1978: 144] и саам. (Финл., Кольск. п-в) *sõaʔkʔkʔ^E* 'береза (растущая)' [Itkonen 1958: 509]. Однако следует при этом заметить, что удмуртские формы *čača*, **čača* являются, видимо, адаптированными вариантами заимствованного русского слова *чаща*.

Согласно исследованиям Ю. Тойвонена, лексема *čaška* 'береза' считается родственным хант. *táχèt, t'ax̄t* 'куст, ивовый кустарник' и возводится к предполагаемому архетипу **tʃssks, *tʃssks* 'хворост, кустарник' [Toivonen 1915: 70].

Апеллятив *шоптыр* 'смородина // смородиновая', а также татарское слово *карлыган* с тем же значением, что и марийское слово, бытует в названиях 3 селений (0,11 %). Марийская лексема *шоптыр* генетически восходит, видимо, к сравнительно поздним, а не ранним пластам финно-угорской лексики. Она не имеет соответствий в мансийском и венгерском языках, в удмуртском ей соответствует слово *сутэр* 'смородина // смородиновая'. В качестве примера можно указать микротопонимы *сутэрн'ук* (Можгинск. р-н), *сутэрон'ук* (Увинск. р-н) [Кириллова 1992: 126].

Апеллятив *шӱртньӱ* 'верба // вербная' зафиксирован в 1 ойкониме, что равняется 0,04 %. Лексема *шӱртньӱ* этимологически восходит к лексическому слою финно-волжской языковой общности и не имеет удмуртского соответствия. В удмуртском языке верба именуется лексемой *бадьну* [РУС, 81].

Марийское слово *шертне* 'верба' В. И. Лыткин под вопросом старается сблизить с коми-зыр. (уд.) словом *сорма* 'роща' [КЭС, 261]. Однако совершенно очевидны не только фонетиче-

ское различие, но и семантическое расхождение указанных слов, поэтому об их генетических связях не может быть и речи.

Апеллятив *уэ* 'ветла' фигурирует в 1 названии, что составляет 0,04 %.

Удмуртское название ветлы – *мувыр бадь* (*бадь ту*) [РУС, 85] не имеет генетической связи с марийским словом *уэ*.

Апеллятив *ошко* 'осокорь' участвует в номинации 1 селения, то есть 0,04 %. В удмуртском языке это дерево обозначается лексемами *урыжпу* и *осокорь* [РУС, 615].

Кроме вышеуказанных слов, в трех ойконимах выступает русский апеллятив *рябина* (0,11 %) и по 1 разу в названиях населенных пунктов Марий Эл представлены слова *клён* (0,04 %) и *калина* (0,04 %).

В заключение следует отметить, что некоторые ойконимы Марий Эл являются отгидронимными, а гидронимы – фитофорными. Модель номинации в этом случае выглядит следующим образом: название дерева, кустарника → река, речка → селение, ср. например: *ломбо* 'черемуха // черемуховая' + *энер* 'река, речка' = *ломбенер* 'черемуховая река'. Названия отдельных селений являются отантропонимными, а антропонимы – фитофорными. Модель номинации: название дерева, кустарника → фамилия → селение, например: *берёза* – *Березин* – *Березино*, *берёза* – *Берёзов* – *Берёзовка*, *орех* – *Орехов* – *Орехово* и др.

Условные сокращения языков, диалектов

венг. – венгерский язык, *вепс.* – вепсский язык, *вод.* – водский язык, *кам.* – камасинский язык, *койб.* – койбальский (диалект хакасского языка), *коми-зыр.* – коми-зырянский язык, *красноуф.* – красноуфимский (диалект удмуртского языка), *лив.* – ливский язык, *манс.* – мансийский язык, *маньчж.* – маньчжурский язык, *мар.* – марийский язык, *марГ* – горное (наречие марийского языка), *марЛ* – луговое (наречие марийского языка), *марСЗ* – северо-западное (наречие марийского языка), *мокш.* – мокшанский язык, *монг.* – монгольский язык, *морд.* – мордовские языки, *мотор.* – моторский язык, *нган.* – нганасанский язык, *нен.* – ненецкий язык, *орок.* – орокский язык, *прикам.* – прикамский (говор марийского языка), *саам.* – саамский язык, *самод.* – самодийские языки, *сельк.* – селькупский язык, *тов.* – товгийский (нганасанский) язык, *тунг.* – тунгусские (эвенкийский, эвенский) языки, *тюрк.* – тюркские языки, *уд.* – удорский (диалект коми-зырянского языка), *удм.* – удмуртский язык, *фин.* – финский язык, *хант.* – хантыйский язык, *энец.* – энецкий язык, *эрз.* – эрзянский язык.

Библиографический список

Атаманов М. Г. Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 68–75.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. 168 с.

Вершинин В. И. О некоторых географических терминах и топонимах прикамских мари // Марийская филология. Межвузовский сб. науч. трудов. Йошкар-Ола, 1986. С. 109–117.

Дмитриева Л. В. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 135–191.

Кеппенъ О. Материалы къ вопросу о первоначальной родинь и первобытномъ родствь индо-европейскаго и финно-угорскаго племени. С.-Петербургъ, 1886. 125 с.

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). Ижевск, 1992. 320 с.

Куклин А. Н. Названия исчезнувших селений Марийской АССР (с апеллятивом *чодыра* 'лес') // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990. С. 49–74.

КЧС – Краткий черемисской словарь съ російскимъ переводомъ. С.-Петербургъ: Эрмитажное собрание. № 197.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1-е мая 1952 года. Йошкар-Ола. 250 с.

МРС – Марийско-русский словарь. М., 1956.

Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–157.

ОЯ – Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973.

РУС – Русско-удмуртский словарь. М., 1956.

СГН – *Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.

СГНУ – Словарь географических названий Удмуртской АССР. М., 1980.

ССЗН – *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.

СХД – *Терешкин Н.И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.

Терентьев В. А. Ностратические этимологии // Этимология 1977. М., 1979. С. 159–163.

Хонти Л. О связях уральских и алтайских языков // Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск, 1985. С. 159–172.

Широбоков С. И. География Удмуртской АССР (Учебное пособие для 7–8 классов). Ижевск, 1984. 92 с.

ЭКНЭС – Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Эрзянь келень нурькине этимологической словарь (Школанень пособия). Саранск, 1977.

Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusülestanded ja materjalid (konsonantühendid). Teine trükk. Tartu, 1981. 116 lk.

Genetz A. Ost-tscheremissische Sprachstudien. I. Sprachproben mit deutscher Übersetzung // JSFOu. VII. Helsinki, 1889. 181 s.

Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II // LSFU XV. Helsinki, 1958. 1236 s.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Lexicon linguae Votiacorum. (Wörterbuch des Votjakischen) (1890-, bzw. 1896) (Reprint). Pecs, 1990. 837 l.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen // LSFU XVII. Helsinki, 1969.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja I–VI. Helsinki 1955–1978.

Toivonen Y. H. Wortgeschichtliche Streifzüge // FUF XV. Heft 1–3. Helsingfors, 1915. S. 66–90.

UEW – Uralisches etymologisches Wörterbuch I–VIII. Hrsg. von K. Rédei. Budapest–Wiesbaden, 1986–1991.

Wied. = F. J. Wiedemann. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. St. Petersburg, 1880.

Wichmann Y. Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden s- und š-laute im tscheremissischen // FUF VI. Helsinki, 1906. S. 17–39.